

В июне 2005 года в Университете Ольстера в г. Колрэйн проходил colloquium “Celts-Slavica”, оставивший после себя впечатление очень яркое. Для нас это была не просто еще одна международная конференция, это было событие, причем событие для российской кельтологии, как мы полагаем, достаточно масштабное и значимое.

Летом 2004 г. организатор этого colloquium, профессор Шемас МакМахуна, возглавляющий в Университете Ольстера группу электронной обработки древнеирландского академического словаря, приехал в Москву, отчасти — специально для встречи с российскими кельтологами; именно тогда было решено провести через год в г. Колрэйн первый colloquium, посвященный проблеме сопоставления кельтского и славянского материала, который одновременно должен был исполнять функции своего рода инаугурационные для новой организации — общества “Кельто-Славика” (“Celts-Slavica”), которое должно было таким образом заявить о своем существовании.

Председателем общества со стороны западных кельтологов был избран профессор МакМахуна, а его сопредседателем со стороны России — В.П. Калыгин. Задачи общества, как видел его сам Ш. МакМахуна, были в привлечении самых широких слоев исследователей в разных областях гуманитарного знания (филологии, истории, истории литературы), в той или иной области касающихся в своей работе проблемы сопоставления кельтского и славянского материала, причем с самых разных точек зрения (генетическая тождественность, типологические сближения, контакты).

В декабре 2004 г. мы встретились с профессором МакМахуной, чтобы уточнить даты предстоящей встречи и ее примерный состав и основную тематику. Как мы решили, с первым, как бы “открывающим” докладом должен будет выступить В.П. Калыгин. Наш разговор происходил шестого декабря, то есть на следующий день после смерти Виктора Павловича, о которой мы оба тогда еще не знали...

Colloquium состоялся, правда, увы, не в том составе, который был нами намечен. Виктора Павловича Калыгина не стало, но доклад его прозвучал: подготовленный им в качестве одновременно и доклада на конференцию и статьи для первого номера основанного им журнала “Сравнительное языковедение” текст “Кельты и славяне” был переведен на английский язык Н.А. О’Шей; ею же была составлена “краткая версия” доклада, опубликованная в Abstracts colloquium; полный английский

текст доклада В.П. Калыгина передан ею в оргкомитет colloquium для дальнейшей публикации.

Исследование В.П. Калыгина (Москва), как мы понимаем, было отнюдь не результатом субъективного желания будущего участника colloquium отчасти искусственно найти какие-то необходимые кельто-славянские точки соприкосновения. Его работа явилась во многом органичным продолжением линии, ведущей свое начало из его длительных и плодотворных контактов с профессором К.Х. Шмидтом (Бонн), под началом которого В.П. Калыгин проходил в Германии длительную стажировку (сам Шмидт также принимал участие в работе colloquium в Колрэине, но с докладом не выступал). Исходя из предположительной возможности существования в определенный период особой кельто-балто-славянской общности, основанной не столько на генетической близости (она спорна), сколько на постоянных культурных и языковых контактах (что-то в роде “непрочного” языкового союза), он вывел ряд эксклюзивных изоглосс (как в непосредственном понимании этого слова, так и применительно к морфологии и фонологии, а также мифологии). В своих работах, посвященных как сопоставительному анализу кельтских и славянских теонимов, так и выведению грамматических и фонетических параллелей (в первую очередь — палатализация!), В.П. Калыгин достаточно последовательно проводил идею консервации в островном кельтском материале (более разработанном и доступном) архаических кельтских черт, имеющих славянские параллели и тем самым подтверждающих свою архаичность. Говоря проще, наличие параллелей в области лексики в ирландском и в русском, например, по его мнению, свидетельствовало о существовании общего словаря (естественно, уже для общеславянского и континентального кельтского). При этом генетическая трактовка подобных явлений полностью им не отрицалась. На этом фоне традиционная “итало-кельтская гипотеза” оказывается лишенной научных оснований, а все основные составляющие ее элементы начинают трактоваться как параллельные инновации (действительно, например, совпадение фонетической “судьбы” и.-е. глухого лабиовелярного в бриттских языках и в греческом совершенно не говорит о какой-либо генетической тождественности). Для colloquium в Колрэине им был подготовлен доклад, посвященный в основном анализу двух моментов — наличию в прото-кельтском особых форм футурума на **-sie/*-sio-*, включающих в себя,

предположительно релятивный и.-е. демонстратив, реконструируемый при помощи славянских соответствий, и, второе, анализу известных кельто-славянских изоглосс (*слуга, долг* и проч.), демонстрирующих наличие особой культурно-социальной общности. Не давая точных временных рамок, В.П. Калыгин предположительно локализует эту общность на границе Центральной и Восточной Европы (т.е. примерно в районе Карпат и шире).

Открывающие коллоквиум доклады самого Ш. МакМахуны (Колрэйн) “Кельтские исследования в славянских странах” и П. Сталмачика (Лодзь) “Кельтские исследования в Польше”, а также прозвучавшие в заключительном заседании доклады Н. О’Шей (Дублин), А.Р. Мурадовой (Москва) и Ф. Свелла (Колрэйн) были в основном посвящены как общим, так и частным вопросам восприятия языка и культуры кельтов в славянских странах и, отчасти, наоборот. Так, Н. О’Шей рассказала о проблемах, связанных с переводом на русский язык древнеирландских саг (передача имен собственных, которые в свое время были транслитерированы А. Смирновым, в основном неверно, а также борьба с русской традицией передавать неоправданно выспренним “эпическим стилем” живые диалоги персонажей). А. Мурадова посвятила свое выступление “Сравнительным словарям всех времен и народов”, которые составлялись по указанию императрицы Екатерины II и в которых значительное место было уделено бретонскому языку. Ф. Свелл рассказал о переводах на современный ирландский язык русских поэтов (Цветаевой, Ахматовой, Мандельштама), а также о восприятии (и восприятии) экспериментальным ирландским театром начала XX века драматургии Чехова.

В этом же ключе может рассматриваться и доклад М. Фомина (Колрэйн) о возможности создания электронной версии древнеирландско-русского словаря.

Продолжающим линию В.П. Калыгина по нахождению языковых и культурных кельто-славянских параллелей может быть назван доклад В. Блажека (Брно) о мифологических сходжениях. Так, придя в свое время совершенно самостоятельно (т.е. независимо от В.П. Калыгина) к идее отождествления таких женских божеств, как ирландская *Маха* (общекельтское **Makasia*) и славянская *Мокошь*, он продолжил сопоставления в области теонимии и пришел к выводу о возможности сопоставления имени ирландского бога *Дагды* и русского *Дажьдбога*. В выводах к его докладу также прозвучала мысль о возможности существования в Центральной Европе в определенный период (какой? – Т.М.) особой кельто-славян-

ской контактной зоны (кстати, исследования Фалилеева по топонимике этого региона, как мы понимаем, эти идеи подтверждают). Возможно, к этой же группе докладов можно отнести и сообщение Г.В. Бондаренко (Москва) об “эпическом клише” “знание, полученное из облаков”, встречающемся как в ирландской “Книге захватов Ирландии”, так и в “Слове о полку Игореве”, и доклад Дж. Кэри (Корк, Ирландия) о постоянно звучащей в псевдоисторических древнеирландских памятниках теме прародины годелов в Скифии. В свете всего сказанного выше данное предположение выглядит не так уж фантастично, если под Скифией понимать поздние поселения сарматов в Центральной Европе. Особый интерес с данной точки зрения представляло сообщение Ф. Йозефсона (Гетеборг), посвященное анализу древнеирландских и русских глагольных префиксов, которые он справедливо возводит к общему и.-е. “клитическому” фонду языка, формулируя при этом естественный вопрос: почему и при каких языковых условиях развивается глагольная префиксация. Ответ на этот вопрос, мы полагаем, следует искать уже не в генетической близости языков, а в каких-то типологических сближениях.

Другой линией исследований можно назвать поиск типологических сходжений в кельтских и славянских языках и “культурах”. Сюда относятся и доклады А. Бондарук (Люблин) об обязательном и не обязательном “контролере” в пассивных конструкциях и Е.А. Париной (Москва) о местоименной репризе в островных кельтских и южных славянских языках. Аналогичные типологические сближения послужили объектом исследований, относящихся уже не к собственно лингвистическому материалу: доклад Д. Миллера (Чикаго) об образе Ильи Муромца как “героя-оппозиционера” и его сходстве с ирландским Кухулином, доклад Н.Ю. Чехонадской (Москва) о топосе “ритуальное распределение еды на пиру” в русских былинах и ирландских сагах, доклад Т.А. Михайловой (Москва) о функции имени в славянских и кельтских, а на самом деле – шире, западноевропейских заговорах.

Сходство не есть тождество, близость может иметь объяснения разного рода: генетическое, типологическое, контактное. И именно по этим трем линиям и распределились логически все доклады коллоквиума. Кельто-славянские параллели, как нам кажется, далеко не всегда органично вытекали из логики самого научного исследования, но в ряде случаев все же казались несколько искусственными (напомним, что все участники коллоквиума были кельтологами, а не славистами). Впрочем, час-

то в начале вынужденные и искусственные сопоставления повлекли за собой интересные выводы. К тому же, выход за рамки “своего” материала всегда оказывается продуктивным.

Мы полагаем, что все же основным “достижением” мероприятия, в котором нам довелось принимать участие, были не те или иные чисто научные открытия, а сам факт объединения ряда кельтологов вокруг проблемы кельто-славянских параллелей. Мы видим за этим не только собственно научный интерес к объекту исследования, но и желание западных ученых ближе познакомиться со своими коллегами из Восточной Европы, увидеть, чего они достигли. Не случайно среди участников коллоквиума были такие известные “лидеры” современной кельтологии, как К. Шмидт и Х. Тристрам (последняя – один из организаторов международного кельтологического конгресса, который будет проходить в Бонне в июле 2007 г.). И, конечно же, важнейшим достижением коллоквиума можно считать официальное создание общества “Кельто-Славика”.

Как один из организаторов коллоквиума и сопредседатель Общества мы должны были официально закрыть заседания и выступить с небольшой речью. В ней мы сказали, что надеемся видеть всех присутствующих через год в Москве, где предполагается провести следующий коллоквиум.

Однако мы полагаем, что в дальнейшем следует если не отказаться полностью, то во всяком случае не считать обязательным сопоставление кельтского материала со славянским. И более того, как открыто было сказано в нашем заключительном выступлении, мы и пока плохо понимаем друг друга и имеем сейчас одни и те же проблемы (нехватка средств, недостаточная вписанность в современную кельтологию, отсутствие возможности следить за новейшей литературой и проч.) вовсе не в силу того, что в наших жилах течет “славянская кровь”, а потому, что все мы входим в общее

постсоветское пространство. В дальнейшем, как мы надеемся, именно по этому признаку новое Общество объединит вокруг себя не только кельтологов-славян, но шире – кельтологов из стран бывшего “социалистического лагеря” (более конкретно – мы имеем в виду археолога М. Шабо и молодую лингвистку Д. Пёдель из Венгрии). Поэтому мы предложили назвать планируемый коллоквиум уже не “Кельто-Славика”, а “Кельтика Славика” (ср. Кельтика Нордика и Кельтика Японика). Естественно, название “Кельтика Славика” также не совсем точно, ввиду возможности приглашения кельтологов из Венгрии (возможно, Румынии), однако оно отражает основную нашу идею – отсутствие необходимости проводить обязательные кельто-славянские параллели. Наше выступление было встречено с пониманием и вызвало одобрение аудитории.

Наконец, отметим работу секретаря местного оргкомитета М. Фомина, который взял на себя не только подготовку материалов конференции, но и доставку каждого участника к месту жилья, а затем на заседания и проч.

Отдельно хочется отметить выставку работ местной художницы Натальи Абелян (выпускницы МГУ им. М.В. Ломоносова), посвященную “астрономическим и астрологическим” мотивам ирландского героического эпоса. Одна из ее работ – Кухулин, убивающий пса (в виде земной проекции Ориона), – была торжественно преподнесена ею Дж. Кэри, завершающему большое исследование о Кухулине. Тот обещал, что поместит это изображение на обложке будущей книги.

Другим “культурным событием” стал сольный концерт Натальи О’Шей – пение ирландских народных песен под собственный аккомпанемент на ирландской арфе.

Т.А. Михайлова (Москва)